

КОММУНИКАЦИЯ КАК ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Александр Юрьевич Антоновский – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: antonovski@hotmail.com

Рассматривается проблема коммуникации, интерес к которой связан прежде всего с чрезмерной *многозначностью* и дисциплинарной *непроясненностью* самого понятия коммуникации. Делается вывод, что именно философская концептуализация коммуникации позволила в некотором смысле «спасти» и саму философию. Утверждается, что философия в ее исследованиях коммуникации словно возвращает *актуальность* классическим философским проблемам — (коммуникативному) пространству, (коммуникативному) времени, (социальной) казуальности, (коллективным) субъекту и объекту, наполняя их содержательными характеристиками и проверяя свои построения на опыте функционирования реального общества и общения. Эпистемологическое содержание понятия коммуникации оказывается сопряженным с несколькими аспектами человеческого познания. Во-первых, речь идет об определении адекватности *понимания* высказывания Другого, реконструкция которого затруднена (а может, и вовсе невозможна) в условиях недоступности чужого сознания. Во-вторых, проблема коммуникации связана с принципиально двоякой целью любой коммуникации, ориентированной, с одной стороны, на интеграцию и достижение взаимопонимания и согласия, а с другой — на информационное описание предмета сообщения. В-третьих, коммуникация основана на важнейшем эпистемологическом различии *знание/незнание*, т.е. известности некоторой информации одному участнику коммуникации и ее неизвестности другому, что только и провоцирует образование коммуникативных систем и самых разнообразных форм социальности. Обсуждается вопрос, делает ли современная медиакommunikация возможным общение, где закрытость чужого сознания перестанет быть главным вызовом и триггером коммуникативного акта.

Ключевые слова: коммуникация, коллективный субъект, Другой, знание.

COMMUNICATION AS AN EPISTEMIC PROBLEM

Alexander Antonovskiy — PhD, in philosophy, senior researcher at the department of social epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

The author analyses the problem of the communication from the epistemological point of view, noting that the interest to the theme is obviously determined by the enormous ambiguity and by the disciplinary vagueness of the communication's notion itself. It is argued that it is the philosophical conceptualization of the communication that allows in a certain sense to «save» philosophy itself. The author notes that the philosophical studies of communication as if return the relevance to the classical philosophical problems: to the (communicative) sphere, (communicative) time, (social) causality, (collective) subject and object, filling them with the meaningful characteristics and testing their concepts by the experience of the functioning of real society and communication. He concludes that the epistemolo-

¹ Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00811 «Эволюционно-биологические, системно-теоретические и формально-логические основы теории коммуникации».

gical content of the concept of communication is comes together with several aspects of human cognition. The first aspect has to do with the dimensions for defining the adequacy for determination of the statement made by the Other (i.e. the other participant), given that the content of the Other's consciousness is unavailable. The second aspect is related to the principle of a double purpose of any communication: on the one hand, integration and mutual understanding and, on the other, informational description of the subject of the message. The third aspect is that communication is based on the most important epistemological distinction between knowledge and ignorance, i.e. on the predominance of any information to one participant of the communication and of its uncertainty to the other participant, and that such a situation actually conditions the formation of communication systems, as well as of a wide variety of forms of sociality. The author also addresses the problem of whether contemporary media make communication at all possible since they decrease the impact that the secrecy of the Other's consciousness has on communication by triggering a communicative act.

Keywords: communication, collective agent, the Other, knowledge.

Коммуникация: есть ли рамка концептуализации?

История, экономика, лингвистика, социология, литературоведение, социальная психология и социальная философия, этика и эстетика, философия языка и логика — все эти дисциплины предлагают собственные реконструкции и формализации человеческого общения. Отсюда проистекает потребность обрисовать общие рамки понятийной концептуализации этого феномена, что представляет общеполитическую и теоретико-познавательную задачу. Это универсальное понятие могло бы далее специфицироваться отдельными дисциплинами, выделяющими в нем свой собственный, уникальный аспект или предмет. Такое самое общее понимание коммуникативных процессов предполагает как минимум две интерпретации — *редукционистскую* и *универсалистскую*. С одной стороны, мы имеем дело с узкосоциологическими понятиями коммуникации², а с другой — с чрезвычайно широкими обобщениями³.

Интерес к коммуникации в современном обществе зачастую связан с сугубо практическими интересами и не в последнюю очередь с тем значением, которое приобретает *неудавшаяся и рискованная коммуникация* в обществе, ориентированном на успех (и здесь риск и успех научного общения являются практи-

² Например, сужение сферы коммуникативного до бихевиористской модели общения, выступающей в лучшем случае в виде политологической эвристики и методологии [Lasswell, 1946].

³ В этом случае понятие коммуникации может охватывать широчайшую сферу взаимодействий, включающих невербальные человеческие контакты, обмен данными восприятия у животных, трансляцию машинных данных, телепатии и даже коммуникацию между грибами и растениями, клетками и митохондриями, генами и фенотипами.

чески парадным случаем). Последнее явление можно рассматривать как некоторую глобальную проблему современного общества, словно сотканного из коммуникативных *границ*: расовых, гендерных, возрастных, культурных, политических, религиозных, языковых и многих других. Трудности их преодоления, проистекающие отсюда из них *непонимания*, приводящие к отклонениям предлагаемых запросов на общение, рассматриваются как причины социальных конфликтов, препятствий на пути трансляции и диффузии знания, фиаско программ по интеграции и социализации культурных меньшинств. Отсюда требование по экспликации условий коммуникативного успеха (= понимания) и определения понятия успешной коммуникации.

Коммуникация как проблема эпистемологии

Однако ключевые актуальность и интерес представляют разработка и экспликация собственно *теоретико-познавательного содержания* коммуникации, как и реконструкция вписанности коммуникативной проблемы в историю развития философских, но прежде всего эпистемологических идей и концептов. И все же долгое время не представлялось очевидным, что коммуникация является эпистемологическим понятием и проблемой. Так, в классических философских учениях (при всем том, что именно Аристотель дал «коммуникативное» определение человека как «говорящего животного») речь шла о сферах бытия, по-видимому, не включавших коммуникативную сферу⁴. В связи с этим философская концептуализация коммуникации позволила в некотором смысле «спасти» и саму философию. Философия в ее исследованиях коммуникации словно возвращает *актуальность* классическим философским проблемам — (коммуникативному) пространству, (коммуникативному) времени, (социальной) каузальности, (коллективным) субъекту и объекту, наполняя их содержательными характеристиками и проверяя свои построения на опыте функционирования реального общества и общения.

К перечисленным выше вызовам, требующим эпистемологического анализа коммуникации, относятся и ряд новых обстоятельств, связанный с развитием информационных и социальных сетей, а также ЭВМ, что сделало возможным

⁴ Так, классическое деление на три сферы сущего — теоретическую (математика, физика, метафизика), практическую (этика, политика) и поэтическую (поэзия, экономика), очевидно, не предусматривает особую область — область общения [Аристотель, 1975; Аристотель, 1978].

появление «нетрадиционных» внечеловеческих, внесоциальных и даже бессмысловых типов трансляции коммуникаций. Речь идет о символических аспектах животной коммуникации, об осуществляющейся в наше время коммуникации между вычислительными машинами, о загадочном онтологическом и эпистемическом статусе программ и алгоритмов, которые кодируют и раскодируют осмысленные реакции на входящие сигналы, но, очевидно, не «переживаются» машинами (как некими аналогами сознания) осмысленно.

Такого рода «общение» не ориентировано на различение *известного и неизвестного*, на явным образом (т.е. материально) презентированного *знакового сообщения* и недоступного («скрытого» в черепной коробке) индивидуального смысла сообщения, — различения, которое всегда мотивировало, провоцировало и поддерживало человеческое общение. Особый интерес приобретает вопрос о том, сделает ли машинная коммуникация возможным общение совсем иного рода, где закрытость чужого сознания перестанет быть главным вызовом и триггером коммуникативного акта, требующего все новых коннекций и образования коммуникативных систем?

В этом смысле эпистемологическое содержание понятия коммуникации оказывается сопряженным с несколькими аспектами человеческого познания. Во-первых, речь идет об определении адекватности *понимания* высказывания Другого, реконструкция которого затруднена (а может, и вовсе невозможна) в условиях недоступности чужого сознания. Во-вторых, проблема коммуникации связана с принципиально двоякой целью любой коммуникации, ориентированной, с одной стороны, на интеграцию и достижение взаимопонимания и согласия, а с другой — на информационное описание предмета сообщения. В-третьих, коммуникация основана на важнейшем эпистемологическом различении *знание/незнание*, т.е. известности некоторой информации одному участнику коммуникации и ее неизвестности другому, что собственно только и провоцирует образование коммуникативных систем и самых разнообразных форм социальности. В-четвертых, коммуникация, раздваиваясь на общение когнитивное и общение нормативное, в целом остается изоморфной процессу познания, поскольку всегда предстает *рациональным выбором* (и в этом смысле — *познанием*) между субъектным и объектным истолкованиями того или иного сообщения, между интерпретациями высказывания, нацеленного как на поддержание сплоченности (сообщении об известном, удо-

стоверении общности или солидарности), так и на сообщение о новом и неизвестном, а значит, опасном и рискованном.

Коммуникация: генезис понятия

Понятие коммуникации (от лат. *communicatio*) глубоко укорененное в европейской культуре, языках и истории, изначально указывало на широчайший комплекс референций — *сообщение, удостоверение, связь, обмен, сношения, обхождение, сообщество*. Предположительно оно происходит от латинского *communicare* (делить друг с другом, делать общим) и в XV в. утверждается в английском языке. Корни же его гораздо глубже. Индоевропейский корень *mun* выражает значения чего-то общего, указывает на общность смысла слова или поведения. Латинское *munus* означает публичные воздаяния за заслуги (указывает на дары, дань, на ритуалы почитания мертвых). В германских языках от этого корня образуются соответствующие современные формы *meaning* (англ.), *Meinung, gemein* (нем.).

В латинском языке *communicatio* первоначально не являлось обозначением символического процесса, трансляцией символов или смыслов от одного к другому, как и не обозначало диалога, а, скорее, служило обозначением *симуляции* такого диалога, выступало риторическим приемом, состоящим в обращении к гипотетическим соображениям фактически *не присутствующих* оппонентов или публики. При этом наличествовал и другой *недиалогический* смысл: *communication* обозначало религиозное таинство причастия, но не являлось каким-то посланием, а удостоверять принадлежность к религиозной общине, не подразумевавшую коммуникативного ответа.

В философский оборот в относительно явном виде это понятие (но не сам термин) входит благодаря Платону. В диалоге «Софист»⁵ под одноименной темой собственно и понимаются некий вид рассуждений или «искусство убеждения», «искусство прекословия» и «искусство словопрения», свободные от предметности, но сосредоточенные на самих этих рассуждениях. Вытекающая отсюда убедительность рассуждений ставится под вопрос уже в силу самой этой убедительности, а скепсис и сомнение полагаются неотъемлемыми

⁵ Особое место в данном диалоге среди иных искусств рассуждения отводится «искусству различать» как некой метаспособности, лежащей в основе всех иных типов рассуждений.

чертами любых развернутых рассуждений. Именно с этого диалога берет свое начало так называемая староевропейская традиция, избегающая подозрительных «софизмов», требующая обращения к «самим вещам» и как будто бы предполагающая некоторый доступ к последним независимо от их коммуникативного обсуждения [Luhmann, 1994]. В этой традиции онтология получает очевидный приоритет перед эпистемологией, а слова и язык низводятся до всегда сомнительных и недостоверных средств реконструирования вещных характеристик [Baecker, 2005; Baecker, 2007].

Коммуникация: современные смыслы

Современные (уже ставшие практически повседневными) смыслы понятия коммуникации — трансферта или физической передачи (света, электричества, теплоты, сигналов и т.д.), а также взаимного обмена сообщениями возникают лишь в XIX в. В современный философский оборот термин «коммуникация» входит несколько позднее благодаря Лео Лёвенталю в его (позднее использованном Ю. Хабермасом) различии между «аутентичным» и «инструментальным» типами коммуникации, где «подлинная коммуникация влечет образование единства, обобществления внутреннего опыта» [Loewenthal, 1980: 358].

Такое философское понимание коммуникации как способа некоего примирения между Его и Другим поначалу резко контрастирует с возникающей в 1940-х гг. «коммуникативной теорией» (математической теорией передачи сигналов и информации), где коммуникация предстает в виде функционирования цепи из (деантропологизированных) звеньев: источника информации, трансмиттера – кодировщика сообщения, канала-медиума, ресивера (декодировщика сигнала), места назначения (дестинации) [Shannon, Weaver, 1964]. В таком «кибернетическом» понимании коммуникации, очевидно, размывается свойственная человеческому общению жесткая дистинкция *отправитель/получатель* с принципиально различными (у получателя и отправителя) *видами доступа* к информации, которую несет в себе сообщение. Позднее в результате развития кибернетического понятия возникают попытки применить его и к самому человеческому общению. Так, в кибернетической интерпретации коммуникации [Foerster, 1974; Ashby, 1957; Ashby, 1958] интерес от коммуницирующих полюсов (отправителя и получателя) постепен-

но смещается к области медиакommunikации, т.е. к самим каналам распространения информации⁶.

Впрочем, эти два центральных подхода (интеграционно-коммуникативный и инструментально- или медиакommunikативный) не отменяют друг друга, а, скорее, описывают две акцентуации одного и того же процесса. Смещение в область медиальной инструментализации общения, интерес к поиску алгоритмов словно автоматически достигаемого коммуникативного и деятельностного успеха могут рассматриваться как негативные (но актуальные) характеристики в том числе и человеческой, а не исключительно машинной коммуникации⁷.

Нас, конечно, больше интересует понятие коммуникации в ее эпистемологическом смысле. Речь идет о коммуникации, ориентированной на различие: а) *знания/незнания* (знания некоторого Его, неизвестного Другому, которое и мотивирует его сообщить об этом), и б) *сообщения/информации* (открытого и доступного коммуникативного сообщения и замкнутого и недоступного для Его сознание Другого, в котором «локализованы» смыслы, мотивы или «заложенная» информация сообщения). Именно данное различие словно провоцирует все новые и новые попытки удостовериться в недоступных смыслах и значениях, предложенных в ходе коммуникации сообщений, в отношении которых надо — на основе понимания и равным образом непонимания — сделать (не обязательно конгруэнтный пониманию) *выбор* по поводу их акцептации или отклонения. Такую коммуникацию следует отличать от коммуникации в обычном смысле, ориентированной на достижение согласия и взаимопонимания, интеграции сообщества и социализации индивидов.

Коммуникация и ее измерения

Эпистемологическое понимание коммуникации начинает разрабатываться сравнительно недавно. Ее исследование отчасти становилось реакцией на ряд теоретических и технических вызовов, в особенности на возникающие в XIX в. понятия «солипсизм» и «телепатия»⁸, задающие крайние теорети-

⁶ Впрочем, такое смещение интереса от коммуницирующих полюсов к коммуникационной среде или полю произошло несколько ранее в психологии. См. известный доклад Фрица Хайдера «Вещь и медиум» [Heider, 2005].

⁷ Как известно, критика инструментального разума, подразумевающего использование денег и административной власти в качестве коммуникативных медиа, успеха была осуществлена Ю. Хабермасом [Habermas, 1985].

ческие точки возможностей общения. Но, может быть, большую роль сыграло изменение структуры и характера самого человеческого общения в XIX в., когда *медиаопосредованное*, или *инструментализованное*, общение (печать, телеграф, телефон) начало в каком-то смысле «вытеснять» *интерактивную* коммуникацию face-to-face. Эти изменения в практике общения не оставались незамеченными и в литературной рефлексии. Имея в виду вышеозначенные эпистемические дистинкции, Уильям Джеймс говорит о «великом расколе» как необходимой предпосылке процесса коммуникации [Myers, 1903].

Господство «староевропейской традиции», в которой *предметное* измерение коммуникации (где бытие определяло истинность высказывания, а небытие ложность) явным образом доминировало над измерением *социальным* (где истинность определяется консенсусом экспертов), сохранялось до языкового поворота в философии. Лишь в XX в. язык получает роль главного познавательного инструмента, что превращает коммуникацию в одну из ведущих философских и эпистемологических проблем. Так, в философии Людвиг Витгенштейна *предметное* измерение коммуникации оказывается «ограничено» языком и уже не может вырваться за *пределы сообщенного* в рамках человеческой коммуникации. То, что не может быть сообщено, проинтерпретировано другими и понято как смысл сказанного, в известном смысле не может получить статуса предмета (обсуждения).

Одновременно и в рамках *лингвистической* интерпретации коммуникации [Остин, 1999; Куайн, 2000; Martinet, 1982; Соссюр, 1999; Куслий, 2014] нащупывались решения ключевой коммуникативной проблемы: невозможности и одновременно необходимости «открыть» сознание Другого для обеспечения адекватных вербальных реакций на скрытые и поэтому всегда гипотетические смыслы посылаемых сообщений. Лингвисты Чарльз Огден и Айвор Ричардс, развивая идеи Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, попытались фактически (а не путем составления манифестов в стиле логического позитивизма) решить означенную проблему путем закрепления за словами предельно однозначных смыслов и жесткого разделения символического и эмоционального значений слов. Последнее позволило бы, с их точки зрения, придавать

⁸ В «Трактате» мир интерпретируется как «все, что выпадает» («Die Welt ist alles, was der Fall ist») таким или иным образом, как подброшенная вверх монета («выпадает» орлом или решкой, что ограничивает всякое положение бытия двумя возможными логическими (= языковыми) мирами.

коммуникации однозначность и обеспечить достоверность интерпретаций отсылаемых сообщений. Благодаря их методу в коммуникации не пришлось бы выбирать между предметом сообщения («идет дождь») и тем, какая установка (намерение, надежда, опасение, удивление перед тем, что «идет дождь», и т.д.) мотивировала это высказывание и, следовательно, должна выступать его «непредметным» смыслом [Ogden, Richards, 1923]. Ради такой пурификации общения был предложен универсальный базовый английский словарь, составленный из 850 слов. Средством достижения предметной однозначности становилось универсальное *согласие* в универсально разделяемых смыслах, что однозначно провозглашало приоритет *социального измерения* перед измерением *предметным*. Все остальные употребления смыслов рассматривались как некие *неаутентичные* типы коммуникации.

Коммуникация — в поисках аутентичного общения

Та же опасность «неаутентичности» коммуникации, но в ином аспекте рассматривается в феноменологической герменевтике. При этом коммуникативное сообщение, согласно Хайдеггеру, в принципе не может претендовать на вышеозначенное преодоление раскола между Я и Другим⁹, поскольку «событие речи» манифестирует уже состоявшуюся, пусть еще «не присвоенную» связь с Другими. Здесь особую важность приобретает понимание «сообщения» (поскольку «сообщение» открывает мир еще на уровне синтаксиса, т.е. до всякой интерпретации и анализа, так называемого «присвоения») как изначального проявления согласия. Семантика как обмен смыслами сообщений и прагматика как координация действий не имеют большого значения в его понимании общения.

Подобно Хайдеггеру, Джон Дьюи сосредоточивает внимание на возможностях современной коммуникацией преодолевать интерактивные границы общения face-to-face. Компенсировать возникающий таким образом разрыв должно образование, призванное универсализировать и сделать общим «опыт» (а позднее «культуру») и тем самым восстано-

⁹ «Сообщение никогда не есть что-то вроде переноса переживаний, например мнений и желаний, из глубин одного субъекта в глубины другого» [Хайдеггер, 1997: 57].

вить утрачиваемую в ходе коммуникативной инструментализации «непосредственную общность опыта» Его и Другого [Дьюи, 2002]¹⁰. Но, как и Хайдеггеру, это единение Других видится ему не на семантическом уровне смыслов, локализованных в психике и мышлении индивидов, а в самом объективно данном языке, смыслы слов которого нужно понимать не как «частную собственность», а как «методы действий» и «способы использования вещей» [Dewey, 1929].

Близкий идеям прагматизма Дж. Г. Мид в свою очередь попытался решить проблемы «замкнутости» сознания Другого как главного препятствия трансляции смысла. В его концепции эту роль посредника берет на себя «вещь». Вещи выступают, таким образом, *живыми* партнерами людей, и только поэтому с ними можно контактировать *как с людьми*. Условия общения и контакта с предметами интерпретируются как более глубинные и предпосланные собственно контакту и коммуникации людей друг с другом, причем еще до образования у них способности дифференцировать внешний мир на живое и неживое, социальное и психическое [Mead, 1926: 75–85].

В рамках этой ветви интерпретации коммуникации следует рассматривать так называемую философию диалога, традиционно связываемую с именами М. Бубера (выстраивающего «онтологию диалога» на теологическом фундаменте) [Бубер, 1995] и Э. Левинаса (рассматривающего «диалог» с Другим как некую «трансцендентальную форму», удостоверяющую мысленную идентичность Я) [Левинас, 2006]. Философский диалогизм получает разработанную форму в идеях полифоничности М. Бахтина, конкретно проявляющихся в таких свойствах диалога, как симфония, множественная полярность, двухголосность слова, и в этой форме синтеза Я и Другого образующих некое Событие, полагаемое им в основание структуры бытия [Бахтин, 1975, 1972]. Особенно интересны предложенные Бахтиным возможности историко-эмпирической интерпретации его общей схемы применительно к историческим типам культуры, где Я и Другой предстают в различных конstellациях. Свои версии философии диалога развивают Ф. Розенцвейг [Rosenzweig, 1983]¹¹, Ф. Эбнер [Ebner,

¹⁰ «Неистовый поиск того, что могло бы заполнить пустоту, образованную ослаблением уз, удерживающих людей вместе в непосредственной общности опыта» [Дьюи, 2002: 156].

¹¹ Идея Розенцвейга состоит в том, что диалог должен выстраиваться на основании некоего «нового мышления», основанного не на абстракциях, а определяемого конкретной речью в конкретный момент времени [Rosenzweig, 1983].

1952], О. Розеншток-Хюсси [Розеншток-Хюсси, 2008], В.С. Библер [Библер, 1989].

В перспективе *феноменологической социологии* проблема коммуникации предстает несколько шире, выходя за пределы проблемы асимметричности доступа коммуницирующих к смыслу сказанного. Проблема коммуникации усматривается в асимметричности *временных перспектив* пытающихся понять друг друга коммуникантов. Высказывающийся исходит из некой, локализованной в некотором будущем цели своего спича (in-order-to-communication). Напротив, интерпретатор коммуникативного акта исходит из некоего «отложенного в прошлом» знания Другого, используемых им символов (because-of-communication). При этом временная рассинхронизация в понимании (однозначного по своей форме сообщения) дополняется указанием на принципиальную невозможность удостовериться в субъективном (индивидуальном и даже идеосинкразийном) или же, напротив, объективном (универсальном, общепризнанном) использовании знаков [Schuetz, 1967]. Ведь понимающий Его все-таки всегда соучитывает следующее обстоятельство: то, что в высказывании Другого представляется как *определенное прошлым, коллективным, объективным (воспитанием, образованием, социальной принадлежностью)*, с точки зрения самого Другого определяется его свободным индивидуально поставленным замыслом. Кроме того, коммуникативная проблема возникает в процессе понимания еще и в силу того, что за знаком кроются не только значение, но и намерение, желание мотивировать, или эмоция. Тем не менее коммуникативное понимание возможно и без введения фикции «эмпатии». Оно обеспечивается пространственно-временной и личностно-коллективной (т.е. с учетом возможности субъективности и объективности в интерпретации знаков) *регионализацией сфер жизненного мира*, относительно *единообразно* дифференцирующихся у всех участников коммуникации.

Коммуникация и рациональность

Не лишенный комплиментарности и при этом оппонирующий функционализму подход Ю. Хабермаса [Хабермас, 2001] превращает понятие коммуникации в универсальную характеристику социальной реальности, представленную в понятиях *коммуникативной рациональности, коммуникативного действия, коммуникативной системы* (общества) и *жизненного ми-*

ра. Коммуникативное действие, направленное на достижение понимания, противопоставляется инструментальному или целерациональному действию, ориентированному телеологически. Однако и языковое понимание в данном подходе тоже требует рационализации, причем даже в большей степени, чем этого требовало отношение цели и средства. Рационально коммуницирующие индивиды не должны использовать перлокутивные эффекты выражений (т.е. требования подчиниться воле говорящего), что, впрочем, не означает отказа от обоснования и критики. Понятие рациональной коммуникации приближает ее к стандартному пониманию знания (суммы истинных и обоснованных убеждений), лишь добавляя к нему признак *понятности*. Ведь коммуникативная рациональность покоится на четырех (аналогичных понятию знания) основаниях: понятности, объективной истинности, нормативной правильности и субъективной истинности (= убежденности). Идеальная рациональная коммуникация Хабермаса воспроизводит идеальную ситуацию научного обсуждения (с равными шансами на участие и право инициировать обсуждения, на признание интерпретаций и аргументаций, на свободу от административного произвола и отказ от симуляции речевых интенций). Собственно такого рода рациональный «коммуникативный разум» и должен определять «рациональное коммуникативное» действие, высвобождающееся таким образом от воздействий медиа, «управляющих» — внешних по отношению к этому разуму — инструментально-ориентированных систем «хозяйства» и «администрирования».

Особую роль занимает понятие коммуникации в рамках радикально-конструктивистского подхода. Пиажеанец и лингвист Э. фон Глазерсфельд [Glaserfeld, 1995], физик, психолог и математик из Иллинойского университета Х. фон Ферстер [Foerster, 2002], биологи Ф. Варела и У. Матурана [Varela, Maturana, 1999] расширяют понятие коммуникации, выводя его за пределы узкой зависимости между языком и сознанием. В итоге формулируется широкое, так называемое конструктивистское понимание познания, фактически сведенное к процессу *наблюдения*. Правда, при этом и наблюдение понимается более широко, чем обычно: оно может осуществляться не только в рамках коммуникации и когнитивных процессов (индивидуального человеческого восприятия и мышления), но и в «поведении» самого разного вида: биологических систем (клетки, организмы и их органы), мозга, сознания, культуры, общества, машин и т.д. Там, где осуществляются различия между предметом тех или иных

операций и самим агентом операций, и имеют место — пусть зачаточное — познание и примитивная самость («minimal self» — Д. Деннет). Самость оказывается следствием (само)наблюдения как процесса *обозначения* вследствие тех или иных *различий*. Очевидно, что в этом смысле и коммуникация всегда представляет собой наблюдение, поскольку одна тема обсуждения выбирается как ведущая, а все остальные отклоняются или потенциализируются. И сама коммуникация предстает в виде некоторого наблюдателя [Луман, 2004], осуществляющего различие между предметом обсуждения и самим обсуждением.

Позитивная программа: социоэпистемология научной коммуникации

Итак, подводя итоги нашего краткого исторического обзора разработки понятия коммуникации, можно сделать вывод об исключительной сложности и мультидисциплинарном характере этого явления, данного нам в процессе его непрерывного эволюционирования и предстающего в виде сложнейшего комплекса перетекающих друг в друга типов активности, главные из которых можно перечислить. Прежде всего имеются в виду:

- ♦ выражение (религиозной и др.) причастности;
- ♦ риторический смысл коммуникации;
- ♦ поиск и фиксация взаимно недоступных смыслов и значений;
- ♦ феноменологический опыт взаимопонимания через удостоверение общей пространственно-временной регионализации жизненного мира участников коммуникации;
- ♦ кибернетика, инструментально- и медиаопосредованные потоки и каналы информации;
- ♦ психологические поиски оснований коммуникативно-ролевого поведения;
- ♦ функционально-социологическое понимание коммуникации как ретранслятора культуры и традиции;
- ♦ коммуникация как полифоничный диалог людей и культур;
- ♦ коммуникация как особый тип наблюдения (тип наблюдателя), не сводимый к психическим наблюдательным возможностям индивидуального сознания.

Какие же смыслы и понятия коммуникации могут быть представлены как универсальные ее и базовые, а какие как поверхностные и выводимые? Можно ли сформулировать ее

достаточно полное и непротиворечивое понятие, чтобы эффективно применять его к важнейшим сферам общества, прежде всего к научному познанию? Можно ли предложить некую позитивную программу использования этого понятия применительно к научной коммуникации? Чтобы ответить на эти вопросы, требуется рассматривать научные исследования, в том числе высокоабстрактные теоретические построения как обычную коммуникацию обычных людей, каковыми, безусловно, остаются ученые при всей их особости, эрудированности, образовании и установках. Ведь всякое научное высказывание является не просто сложным и часто формализованным утверждением, например математическим предложением, но и некоторым *запросом на контакт*, предложением общения, приглашением к дискуссии, требует проверки другими исследователями, представляется конкурирующим и опасным для позиций других, не вовлеченных исследователей, а значит, нуждается в продолжении общения и образовании коммуникативной системы.

В связи с этим мы сформулируем *первый социоэпистемологический тезис*. Коммуникативные стратегии, как и в повседневном общении, необходимым образом перекликаются. Означенные стратегии могут быть удачными только в том случае, если они обеспечивают *понимание* и, как следствие, *акцептацию* запросов на контакты. Поэтому на первый план социальной эпистемологии коммуникации выходит императив экспликации аналогий между *пониманием* повседневных «коммуникативных актов» и высказываний науки, т.е. между *пониманием* и *объяснением*. При объяснении генерации (способов обоснования) научного знания следует исходить из свойства самого общения ученых, пусть даже свои высказывания они, как им кажется, основывают на объективности *предметных* описаний и наблюдений.

Одновременно провозглашаем *второй социоэпистемологический тезис*, согласно которому, коммуникативную реальность приходится понимать как «стандартный» предмет научного исследования, пусть и выражающий специфичность, но принципиально допускающий стандартные процедуры научных описаний, измерений, наблюдений, каузальный анализ, формализацию и теоретизацию. В сочетании с первым тезисом второй требует представлять науку как особую наблюдающую и коммуницирующую систему, обусловленную двояким образом: определяемую (1) как свойствами самой наблюдаемой реальности, предметами научных наблюдений, так и (2) свойствами наблюдателя, т.е. свойст-

вами научного общения, которые в свою очередь предполагают их научное наблюдение. В этом случае и сам наблюдатель, и наблюдение (= общение ученых) выглядели бы столь же доступными для полноценного научного анализа, как и предметы, наблюдаемые в ходе этого общения. Причем только социоэпистемологическая фиксация такого *добавочного фактора* в генерации и обосновании научных идей делает возможным (хотя бы для некоторых целей анализа) выносить этот фактор за скобки и в каком-то смысле очерчивать рамки гипотетической «чистой науки», свободной от «возмущающих воздействий» наблюдателя.

Как следствие этих тезисов возможно такое понимание научной коммуникации, в котором последняя не только объяснялась бы внутренним образом, т.е. исходя исключительно из предмета научного интереса, внешнего мира общающихся ученых, но и добавочным образом детерминировалась бы ситуацией самого общения, а именно: требованиями *понимания* (или понятности предлагаемых идей), условиями взаимопонимания (или консенсуса в среде ученого сообщества), которые, очевидно, выглядят дополнительными по отношению к главным условиям научности — истинности, непротиворечивости теоретических суждений, наблюдаемости вытекающих из теории практических следствий. Этот список добавочных условий научности следует дополнить и требованиями научного приоритета, научной честности (*scientific selfpolisy*), имеющими явный экстерналистский (коммуникативный) характер, не связанный очевидным образом с истинностью и новизной научных идей.

И всякий раз, когда мы сталкиваемся с такой сверхдетерминацией в генезисе научного знания, всякий раз, когда истина и новизна как ведущие мотивации научного исследования будут дополняться перечисленными дополнительными («экстерналистскими», социальными) каузациями, приходится прибегать к социоэпистемологическим объяснениям научной коммуникации.

Библиографический список

Аристотель, 1975 — *Аристотель*. Метафизика. Кн. VI, гл. 1 // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975.

Аристотель, 1978 — *Аристотель*. Топика. Кн. VI, гл. VI // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1978. С. 471–478.

Бахтин, 1975 — *Бахтин М.М.* Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975.

Бахтин, 1972 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972.

Библер, 1989 — *Библер В.С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.

Бубер, 1995 — *Бубер М.* Я и Ты // М. Бубер. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 16–92.

Дьюи, 2002 — *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 156.

Куайн, 2000 — *Куайн У.* Слово и объект. М. : Логос: Праксис, 2000.

Куслий, 2014 — *Куслий П.С.* Аспекты внутреннего мира и семантика естественного языка // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XXXIX. № 1. С. 44–50.

Левинас, 2006 — *Левинас Э.* Путь к Другому: сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

Луман, 2004 — *Луман Н.* Общество как социальная система. М. : Логос, 2004.

Остин, 1999 — *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов // Дж. Остин. Избранное. М. : Идея-Пресс, 1999.

Розеншток-Хюсси, 2008 — *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М. : Лабиринт, 2008.

Соссюр, 1999 — *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург : изд-во Уральского университета, 1999.

Хабермас, 2001 — *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.

Хайдеггер, 1997 — *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. С. 57.

Ashby, 1957 — *Ashby W. R.* An Introduction to Cybernetics. L.: Chapman and Hall Ltd., 1957.

Ashby, 1958 — *Ashby W. R.* Requisite Variety and its Implications for the Control of Complex System // Cybernetica. 1958. Vol. 2, № 1. P. 83–99.

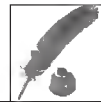
Baecker, 2005 — *Baecker D.* Kommunikation. Leipzig : Reclam Verlag, 2005.

Baecker, 2007 — *Baecker D.* Form und Formen der Kommunikation. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2007.

Dewey, 1929 — *Dewey J.* Experience and Nature. L., 1929. P. 135.

Ebner, 1952 — *Ebner F.* Das Wort und die geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente 1921. Wien : Herder Verlag, 1952.

Foerster, 1974 — *Foerster H.* Cybernetics of Cybernetics: The Control of Control and the Communication of Communication. Minneapolis : Future Systems, 1974.

Foerster, 2002 — *Foerster H.* Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition. N. Y. : Springer, 2002.

Glaserfeld, 1995 — *Glaserfeld E. V.* Radical constructivism. A Way of Knowing and Learning. L. ; Washington D.C. : The Falmer Press, 1995.

Habermas, 1985 — *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1985.

Heider, 2005 — *Heider F.* Ding und Medium. Berlin : Kadmos Kulturverlag, 2005.

James, 1952 — *James W.* Principles of Psychology. Chicago : University of Chicago Press, 1952. P. 187.

Lasswell, 1946 — *Lasswell H.* Propaganda, Communication, and Public Order. Princeton University Press, 1946.

Loewenthal, 1980 — *Loewenthal L.* Humanität und Kommunikation. Literatur und Massenkultur. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1980. S. 358.

Luhmann, 1995 — *Luhmann N.* Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1995. Bd 1–5.

Martinet, 1982 — *Martinet A.* Elements of General Linguistics. University of Chicago Press, 1982.

Mead, 1926 — *Mead G. H.* The Objective Reality of Perspectives // Proceedings of the Sixth International Congress of Philosophy. N.Y., 1926. P. 75–85.

Myers, 1903 — *Myers F. H. W.* Human Personality and its Survival of Death. L.: Longmans, 1903.

Ogden, Richards, 1923 — *Ogden C. K., Richards I. A.* The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1923.

Rosenzweig, 1983 — *Rosenzweig F.* Sprachdenken im Übersetzen. 1. Band Jehuda Halevi Fünfundneunzig Hymnen und Gedichte Deutsch und Hebräisch. Der Mensch und sein Werk. Gesammelte Schriften. Hague : Martinus Nijhoff, 1983.

Schuetz, 1967 — *Schuetz A.* The Phenomenology of the Social World. Northwestern University Press, 1967.

Shannon, Weaver, 1964 — *Shannon C. E., Weaver W.* The Mathematical Theory of Communication. Urbana : The University of Illinois Press, 1964.

Varela, Maturana, 1999 — *Varela F., Maturana H.* Ethical Know-How: Action, Wisdom, and Cognition. Stanford University Press, 1999.

References

Aristotel'. Metafizika. Kn. VI, gl. I (Aristotle. Metaphysics. Book 6, chapter 1). *Aristotel'. Sochinenija. V chetyreh tomah (Aristotle. Collected papers)*. Vol. 1. Moscow, 1975.

Aristotel'. Topika. Kn. VI, gl. VI (Aristotle. Topics. Book 6, chapter 6). *Aristotel'. Sochinenija v chetyreh tomah (Aristotle. Collected papers)*. Vol. 2. Moscow, 1978, pp. 471–478.

Ashby W. R. An Introduction to Cybernetics. London: Chapman and Hall Ltd., 1957.

Ashby W. R. Requisite Variety and its Implications for the Control of Complex System. *Cybernetica*, 1958, vol. 2, q 1. pp. 83–99.

Baecker D. Kommunikation. Leipzig: Reclam Verlag, 2005.

Baecker D. Form und Formen der Kommunikation. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2007.

Bahtin M. Problemy pojetiki Dostojevskogo (Bakhtin M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*). Moscow, 1972.

Bahtin M. Slovo o romane (Bakhtin M. One word about the novel). Bahtin M. Voprosy literatury i jestetiki. Izbrannye raboty (Bakhtin M. Problems of literature and aesthetics. Selected papers). Moscow, 1975.

Bibler V.S. Kul'tura. Dialog kul'tur (opyt opredelenija) (Culture. Cultural dialogue. An attempt of definition). *Vosprosy filosofii — Problems of philosophy*, 1989, no. 6, pp. 31–42.

Buber M. Ya I ti (Ich und Du). Dva obraza very. Sbornik Rabot — *Two types of faith. Collected papers*. Moscow, 1995, pp. 16–92.

Dewey J. Experience and Nature. London, 1929, p. 135.

D'jui Dzh. Obshhestvo i ego problemy (Dewey J. The Public and its Problems). Moscow, 2002, p. 156.

Ebner F. Das Wort und die geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente 1921. Wien: Herder Verlag, 1952.

Foerster H. Cybernetics of Cybernetics: The Control of Control and the Communication of Communication. Minneapolis: Future Systems, 1974.

Foerster H. van. Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition. New York : Springer, 2002.

Glaserfeld E. van. Radical Constructivism. A Way of Knowing and Learning. London, Washington D.C. : The Falmer Press, 1995.

Habermas J. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie (Moralbewusstsein und kommunikatives handeln). Saint-Petersburg, 2001.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1985.

Hajdegger M. Bytie i vremja (Heidegger M. Sein und Zeit). Moscow, 1997, p. 57.

Heider F. Ding und Medium. Berlin: Kadmos Kulturverlag, 2005.

James W. Principles of Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1952, p. 187.

Kuajn U. Slovo i ob'ekt (Quine W. Word and object). Moscow, 2000.

Kusliy P.S. Aspekty vnutrennego mira i semantika estestvennogo jazyka (Aspects of the inner world and the semantics of natural language). Jepistemologija i filosofija i nauki — Epistemology and philosophy of science. 2014, vol. 42, no. 1. pp. 44–50.

Lasswell H. Propaganda, communication, and public order. Princeton University Press, 1946.

Levinas E. Put' k Drugomu. Sbornik statej i perevodov, posvjashhennyj 100-letiju so dnja rozhdenija Je. Levinasa (Path to the Other. Collection of articles and translations dedicated to the 100th anniversary since the birth of E. Levinas). Saint-Petersburg, 2006.

Loewenthal L. Humanität und Kommunikation. *Literatur und Massenkultur*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 1980. S. 358.

Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. Bd 1–5.

Luman N. Obshhestvo kak social'naja sistema (Luhmann N. Soziale Systeme). Moscow, 2004.

Marinet A. Elements of general linguistics. University of Chicago Press, 1982.

Mead G. H. The Objective Reality of Perspectives. *Proceedings of the Sixth International Congress of Philosophy*. New York. 1926. P. 75–85.

Myers F.H.W. Human Personality and its Survival of Death. London: Longmans, Green and Co., 1903.

Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. New York: Harcourt, Brace & World, 1923.

Ostin Dzh. Kak proizvodit' dejstvija pri pomoshhi slov (Austin J.L. How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955, 1962). Ostin Dzh. Izbrannoe — Austin J.L. Selected Papers. Moscow, 1999.

Rosenzweig F. Sprachdenken im Übersetzen. 1.Band Jehuda Halevi Fünfundneunzig Hymnen und Gedichte Deutsch und Hebräisch. *Der Mensch und sein Werk. Gesammelte Schriften*. Hague: Martinus Nijhoff, 1983.

Rozenshtok-Hjussi O. Rech' i dejstvitel'nost' (Rosenstock-Hjussi E. Speech and Reality). Moscow, 2008.

Schuetz A. The Phenomenology of the Social World. Northwestern University Press, 1967.

Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana: The University of Illinois Press, 1964.

Sossjur F. Kurs obshhej lingvistiki (Saussure F. *Ecrits de linguistique ge2ne2rale*). Ekaterinburg, 1999.

Varela F., Maturana H. Ethical Know-How: Action, Wisdom, and Cognition. Stanford University Press, 1999.